

01.10.23

КАКИЕ РИСКИ ДЛЯ РОССИИ НЕСЕТ ОБОСТРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ АРМЕНИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА?

Положение дел на Южном Кавказе сегодня можно охарактеризовать, как предгрозовую ситуацию. Армения регулярно заявляет о том, что Азербайджан стягивает к границе войска, а Азербайджан обвиняет Армению в провокациях. Ключевой аргумент Баку: Ереван отказывается от «демилитаризации» Нагорного Карабаха. В свою очередь, руководство Армении и непризнанной Нагорно-Карабахской республики (НКР) главным препятствием на пути к миру считает закрытие Лачинского коридора, связывающего Ереван и Степанакерт. В Армении настаивают, что речь идет не просто о давлении на строптивый Карабах, а о блокаде, чреватой гуманитарной катастрофой.

Карабахской проблеме уже не один десяток лет. Ее история знала и обострения, и разрядки, статус-кво менялся как минимум трижды. Но поскольку стороны конфликта не проявляли готовности к компромиссам, полагаясь на силу как оптимальное средство решения вопроса, в дело время от времени вмешивались внешние игроки. И даже иногда «замораживали» конфликт, хотя и не продвигались к его урегулированию. Но сегодня у «мирового сообщества» в лице России, США, Евросоюза, Турции и Ирана нет общей формулы геополитического пожаротушения в Закавказье. И это лишь усугубляет и без того непростую ситуацию.

Сейчас карабахский вопрос – это совокупность головоломок. Причем такая, что, не разобравшись с одной из них, нельзя браться за другие, иначе урегулирование будет раз за разом откладываться, а разрядки сменяться новыми эскалациями с более высокими ставками.

Армения – Азербайджан: ускользящий мир

Как бы ни закончился 2023-й, в истории армяно-азербайджанского конфликта он все равно останется важной вехой, поскольку в этом году премьер Армении Никол Пашинян публично признал суверенитет Азербайджана над Нагорным Карабахом. Глава армянского правительства и ранее давал понять, что готов подписать мир с соседней страной на основе взаимного признания территориальной целостности. Но так определенно, как в мае 2023-го, о принадлежности карабахских земель не говорил ни один лидер Армении за всю ее постсоветскую историю. Да, были призывы к компромиссу со стороны первого президента Левона Тер-Петросяна. Но это стоило ему отставки и политической карьеры. Был поиск разных взаимоприемлемых формул во времена Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна, и армянское руководство обсуждало среди прочего и неприятные уступки. Но все это не выносилось на публику, не покидало дипломатических кулуаров.

Казалось бы, Пашинян признал очевидное. Армения потерпела тяжелое военное

поражение, смирилась с утратой т. н. «пояса безопасности», выступила за «понижение планки требований» по статусу Нагорного Карабаха. При этом у Еревана нет сил на военно-политический реванш, что неоднократно признавали даже ярые критики «капитулянтской политики» Пашиняна. А мировое сообщество в лучшем случае беспокоится о гуманитарных правах и гарантиях безопасности карабахских армян, но не готово биться за особый статус непризнанной республики.

Почему бы Баку не принять этот пас и не завершить игру на мажорной ноте? Все дело в политической нюансировке. Признав статус Карабаха в составе Азербайджана, Пашинян постарался схватиться за соломинку, выдвинув идею международных гарантий для армянского населения спорного региона. Фактически это подразумевает особый статус Нагорного Карабаха, тогда как Баку хочет получить безусловный контроль над этой территорией.

Новая гроза на Кавказе может разразиться из-за того, что война трехлетней давности не обеспечила для всех сторон бесспорного очевидного результата. НКР сохранилась, пусть и в урезанном виде. И даже сегодня, когда непризнанная республика находится, по сути, в осаде, одни президенты (Араик Арутюнян) там уходят в отставку, а другие (Самвел Шахраманян) избираются депутатами высшего республиканского законодательного органа. Политики спорят о перспективах существования Карабаха, а некоторые ястребы, такие, как Самвел Бабалян (в 1990-х командующий армией и министр обороны НКР), предлагают содержательные переговоры с Баку. Но азербайджанские власти этого не хотят. Внутриполитические расклады в непризнанной республике их не слишком занимают. Как справедливо замечает британский кавказовед Томас де Ваал, «Баку предупреждает: карабахские армяне должны смириться с полной интеграцией в государственную систему Азербайджана, ни о какой территориальной автономии для них не может быть и речи». «Единственный путь [для армян Карабаха] – это диалог и обсуждение своего будущего в составе Азербайджана. Другого просто нет, так как все остальное нелегитимно. Это наша красная линия», – чеканит глава азербайджанского МИД Джейхун Байрамов.

Отсюда и ультиматумы, и требование синхронизации открытия Лачинского коридора с маршрутом Агдам – Степанакерт, то есть открытие Карабаха увязывается с усилением интеграции спорного региона в состав Азербайджана.

Столь жесткие требования, впрочем, обусловлены не только слабостью Армении и стремлением Азербайджана добиться психологической компенсации за прошлые унижения и поражения. Баку знает, что сейчас хорошие отношения с ним нужны и России, и Западу, и Ирану, не говоря уже о Турции. С азербайджанскими властями, пускай и по разным причинам, сильные мира сего ссориться не хотят. При этом Ильхам Алиев не стремится стать новым Михаилом Саакашвили – он не идет на лобовое столкновение ни с Москвой, ни с Вашингтоном, ни с Брюсселем. Президент Азербайджана аккуратно, но последовательно отодвигает «красные линии», сочетая дипломатические инициативы с силовым давлением. И пока эта тактика дает нужный результат. Статус Карабаха уже не на столе переговоров, про референдум по данному вопросу забыли, зато постепенно введена в оборот тема территориальной целостности... Армении. То там, то здесь спорят о Зангезуре, «Западном Азербайджане». Заметим, на этом направлении имеется не меньше нерешенных проблем, чем на карабахском треке.

Международный контекст: новые вызовы

«Парадокс ситуации заключается в том, что напряжение вокруг Карабаха растет, несмотря на активные дипломатические контакты между лидерами Армении и Азербайджана», – констатирует Томас де Ваал. Добавим к этому, что Никол Пашинян, Ильхам Алиев, армянские и азербайджанские министры, советники и дипломаты все интенсивнее общаются с коллегами из России, Франции, США, Евросоюза. Впрочем, если приглядеться к ситуации внимательно, ее парадоксальность становится легко объяснима.

Тезис «на Кавказе после 2020 года установился новый статус-кво» давно уже стал трюизмом. Но есть нюанс: этот статус-кво разбивается на два периода. Отношения между Россией и Западом до начала СВО на Украине были диалектическим единством противоположностей – конфронтации и кооперации. Форматы «нормандской четверки», приднестровский «5+2», трио сопредседателей Минской группы по Карабаху свидетельствовали: у нас нет общих интересов, но есть готовность хеджировать риски. На этом фоне карабахский трек сильно выделялся. В 2020-м Запад в лице США и Франции готов был признать здесь за Россией некое лидерство – и для того, чтобы не обременять себя лишними обязательствами, и для того, чтобы дать Москве наделать ошибок «на земле», и для того, чтобы осложнить ее отношения с Турцией, и для того, чтобы не позволить строптивой Анкаре излишне укрепиться в Кавказском регионе. Но 2022 год радикально изменил ситуацию не только на Украине и вокруг нее. Запад перестал видеть в России партнера (пускай и конкурирующего) в Закавказье. Сейчас он старается дискредитировать действия Кремля. И как миротворца, и как союзника Армении и партнера Азербайджана. Эта задача во многом облегчается тем, что Москва, сосредоточив усилия на Украине, обращается к Кавказу лишь во вторую очередь. Контекст, удобный для того, чтобы те, кто надеялся, что Россия обеспечит долговременный статус-кво в регионе, начали сомневаться в ней, как в незаменимом партнере.

Американские и французские дипломаты охотно пользуются сложностями, возникшими в диалоге Москвы и Еревана. Снова срабатывает асимметрия восприятия ситуации в России и в Армении. Чего боится Москва? Россия рассматривает армянскую ситуацию не саму по себе, а в контексте глобального противостояния с Западом. Иначе говоря, для нее в первую очередь важно, чтобы Армения не пошла по стопам Грузии и не переметнулась во враждебный лагерь. Если это произойдет, то Закавказье становится однородным пространством, которое США и их союзники форматируют полностью под себя. Отсюда и столь эмоциональная, временами с перехлестами, реакция на совместные американо-армянские военные учения.

Чего боится Ереван? Хотя армянский политикум и общество в целом уже не рассматривают Карабах как главный элемент государственной идентичности, его потеря по-прежнему пугает. И не только как очевидное свидетельство поражения, но и как отправная точка пути, ведущего к съезживанию территории самой Армении. Собственных сил для противодействия этому у страны нет, а от России ждут большего, чем сегодня, «здесь и сейчас» она может дать. Не получая желаемого, и элита, и часть общества Армении негодуют, спешно и без всякой системы пытаются найти замену России и на скорую руку скроить некий «консорциум безопасности», обращаясь то к США, то к Франции, то к Ирану с Индией. С учетом выше сказанного, совместные учения с американцами – не столько вызов Москве, сколько попытка обеспечить

передышку, ведь вряд ли азербайджанцы решатся атаковать одетых в военную форму граждан Штатов.

Так что дело здесь не в особенностях биографии или личности Никола Пашиняна. Армения и при прежних руководителях сотрудничала с НАТО и ЕС, ее военные несли службу в контингентах в Косово и Афганистане. Однако провозглашаемый ранее «комплементаризм» (официальный слоган армянской дипломатии, введенный в оборот в годы президентства Роберта Кочаряна) не противопоставлялся столь жестко российской «монополии» на безопасность Армении. Пашиняну и его окружению легче говорить с западными партнерами, чем прежним армянским лидерам. Поколенческий фактор также играет свою роль! В действиях нынешних армянских властей мы видим и проявления наивности, и завышенные ожидания. Чего стоят все эти ликования по поводу выражения «геноцид народа Арцаха», использованного тем или иным американским конгрессменом. Однако нельзя игнорировать и то, что армянское общество действительно разочаровано в России. Не будь его, а также фрустрации из-за военного поражения, не смог бы никакой политик, хоть трижды «западник» и «соросовец», встать на позицию жесткого оппонирования Москве. Заметим также, что сам фактор Карабаха перестал быть консенсусом внутри армянского общества. От бремени «миацума» (воссоединения) многие просто устали, а опасности «карабахизации» самой Армении предпочитают не замечать.

В этой ситуации для Москвы крайне важно преодолеть коммуникационный кризис в отношениях с Ереваном, которым, без всякого сомнения, постараются воспользоваться и Париж, и Вашингтон. Почему эта задача важна прежде всего для России? Если армянский политикум и даже значительная часть общества готовы смириться с ролью младшего регионального партнера Запада, обвиняя в этом не оправдавшего доверие союзника, то для России принятие этого будет означать сворачивание ее присутствия не только в Армении, но и вообще на Кавказе. Скорее всего, такой сценарий устроил бы и Штаты, и Францию, и ЕС в целом. И поэтому без содержательного диалога с Ереваном, показывающего иллюзорность предложений США и Франции (которые не планируют дать Армении что-то большее, чем Москва сегодня) и важность сохранения позиций России в Закавказье, не обойтись. Какими бы сложными ни были взаимоотношения российских и армянских высоких представителей и какими бы разными ни были их поколенческие и ценностные установки. Про «личную неприязнь» придется забыть ради более значимых вещей.

Иначе новая «буря на Кавказе» может оказаться разрушительной не только для стран региона, но и для России в целом, после чего ей придется многое строить и перестраивать заново. Итоги Второй карабахской войны многие хотели бы сделать более понятными и однозначными. И крайне важно не упустить время в этой борьбе за коррекцию.

Впервые опубликовано деловым журналом "Профиль": Маркедонов С. Какие риски для России несет обострение отношений Армении и Азербайджана. *Профиль*. 12.09.23 <https://profile.ru/abroad/kakie-riski-dlya-rossii-neset-obostrenie-otnoshenij-armenii-i-azerbajdzhana-1389309/>

Источник: Какие риски для России несет обострение отношений Армении и Азербайджана?

ОБ АВТОРЕ

Сергей Маркедонов

ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований

Местоположение: Москва , Россия

Сфера компетенций: международные отношения на постсоветском пространстве

Область экспертизы: конфликты на постсоветском пространстве, европейская безопасность

Профессиональный опыт: МГУ, РГГУ, МГИМО МИД. Приглашенный исследователь Института гуманитарных исследований (IWM) в Вене, Фуданьском университете в Шанхае, Немецкого общества внешней политике (DGAP) в Берлине, Приглашенный профессор Центра евразийских исследований в Университете Мумбаи, Индия.

